

А. ТИТЛИ

0. Введение. К вопросу о становлении современной ирландской литературы

С одной стороны название нашей статьи может казаться торжеством надежды над опытом, а с другой оно выглядит настолько общим, что кажется бессмысленным. С одной стороны, вряд ли можно сказать, что две страны на противоположных краях Европы вообще вступали в какой-нибудь контакт; с другой стороны попытка доказать присутствие литературного влияния чаще является игрой воображения, чем установлением каких-то определенных связей. Но я надеюсь показать, что на пути к модернизму в XIX веке у обеих литератур было много общего, и что в лучшей ирландскоязычной прозе XX века присутствуют явное и неоспоримое влияние русской литературы.

Однако я должен признать, что знаю русскую литературу в лучшем случае из вторых рук, а иногда и из третьих, так что то, что я скажу, может показаться банальным или слишком простым для людей, действительно сведущих в этом вопросе. Моим единственным оправданием может служить то, что русская литература воспринималась в Ирландии и достигала ирландских писателей пропущенной сквозь одни и те же фильтры.

Так что, я мог бы говорить туманно, как сквозь стекло,
намекать, как сквозь вуаль,
сквозь густой туман интерпретаций,
интерпретаций, многоликих и искаженных,
вот что остается нам – тем, кто не знает языка и не чувствует культуру.

Вот с чем приходилось сталкиваться каждому ирландскому и западноевропейскому писателю, потрясенному русской литературой. Да, мы все читали эти книги в потертых обложках, книги, рекомендованные всем, кто хотел познакомиться с миром литературы, наш Толстой и Достоевский, и Пушкин, и Тургенев, и Гоголь, и Горький и может быть даже Белинский и Розанов. Мы извлекали из них что могли, дрейфуя в стороне от причала, плавая в неведомом нам мире, пытаясь постичь, что скрывалось за всеми этими необычными именами и загадочными отчествами. Мы понимали их совершенно по-своему.

И в чем-то это понимание резонировало с ирландской литературой и культурой в конце XIX и начале XX в. Во избежание неверного истолкования, хочу подчеркнуть, что, говоря об ирландской литературе, я имею в виду литературу на ирландском языке, как под «испанской литературой» имеется в виду литература на испанском языке, под «немецкой литературой» – литература на немецком. И точно так же, когда мы учим английский, для нас первичен язык, а не его страна. Как это ни странно, мне кажется, что за исключением некоторых новеллистов, русская традиция в действительности не повлияла на англо-ирландских авторов, то есть на тех ирландских писателей, которые писали по-английски. А если кто-то и повлиял, то это были скорее Чехов и Тургенев, чем Достоевский, Гоголь и Горький, чьи гении оставили след в ирландскоязычной литературе.

* Пер. с англ. О. Каркищенко (МГУ им М.В. Ломоносова, филол. факультет).

Существует общепринятое мнение, что то, что мы обычно называем «модернизмом», по крайней мере, в своей начальной стадии распространялось в Западной Европе в конце XVI и в XVII в. В области литературы это особенно верно для Франции, Испании, Англии, Италии и Германии. Согласно этому мнению, распространение «модернизма» не выходило за пределы Европы до XIX в. Есть данные о том, что жанр романа на турецком, как и на польском, возник в конце XIX в. По моим данным, первый роман на шведском языке возник в 1871, а первый роман на латвийском в 1879.

Ирландия не была исключением. Хотя в Ирландии были гиганты романного жанра на английском языке, с XVI до конца XIX в. литература на ирландском в основном ограничивалась рукописями и устным ее распространением. Таким образом, ирландская литература была традиционной, а еще точнее говоря, сводилась к региональной поэзии и фольклору.

В 1880х началось «Ирландское Возрождение» или «Ирландский Ренессанс», то «великое движение мысли, которое привело к созданию Ирландского независимого государства», как его назвала Леди Грегори; возрождение или возвращение, которое оживило литературу на обоих языках, а также драму, музыку, танцы, игры и политику. И в то время у ирландских писателей не было моделей, которые можно было бы взять за образец. С одной стороны у них была застывшая форма фольклора, который был шаблонным и предсказуемым; с другой стороны была проза XVII в., написанная высоким и приукрашенным слогом, который давно уже вышел из употребления в обычной речи.

Конечно, модели были в английской литературе, но к ним меньше всего хотелось прибегать. Стиль глупого восхваления мельчайших тонкостей бессмысленных и неестественных манер, который характеризует работы Джейн Остин, ничего не мог значить для людей, переживших голод и потерявших четверть населения страны за пять лет. Во множестве напыщенных романов Теккерея только и говорится что о балах и дамах в прекрасных платьях. Джордж Мур, писатель-романист, однажды сказал, что ирландский – язык, на котором дамы с веерами в руках никогда не говорили. Ирландские читатели и писатели вряд ли нашли бы что-то им близкое в этом аристократическом мире.

И вот здесь начинается взаимосвязь. Как сказал Дж. Пристли, в каком-то смысле великие русские писатели романтического и постромантического периода были самодостаточны. В действительности они были мало обязаны своим творчеством кому-то или чему-то за пределами России. И это несмотря на то, что они были хорошо знакомы с западноевропейской литературой. Влияние в некотором смысле аналогично переводу:

Его нельзя понимать буквально.

В нем всегда есть соответствие характеру страны.

Его палитра принимает новые оттенки.

Новая русская литература была совершенно иной. Она создавала мир заново, словно все в нем впервые представало взору. А между борьбой западников и славянофилов, стоявших за Святую Русь, и всем, что творилось в ирландской литературе конца XIX в., было вообще очень много общего.

В нашем случае, речь шла о борьбе сторонников традиционных, фольклорных форм, отсылающих к «народным представлениям», и тех, кто хотел избавиться от всего этого в пользу того, что происходило в мире, кто стремился писать «по-европейски».

Но европейская буржуазная литература не могла служить примером, ведь носители ирландского языка, и в частности ирландские писатели были выходцами из беднейших частей страны, самых отсталых в экономическом плане. Там царила нищета, и люди просто бежали оттуда. В принципе, биографии некоторых этих писателей довольно похожи на биографии русских авторов, повлиявших на них, в частности Достоевского и Горького.

1. Мартин О Кань и Томас О Кривхань

Вот пример: возможно, самым великим ирландским прозаиком XX в. был Мартин О Кань. О нем особенно уместно упомянуть сейчас, потому что он родился ровно сто лет назад в одном из бедных районов на западе Ирландии, который был полностью ирландоговорящим. Сам он утверждает, что не слышал ни одного английского слова, до тех пор, пока не пошел в школу; к тому времени ему исполнилось шесть лет. Его родители и большинство соседей были неграмотными. Сейчас бы мы назвали их «крестьянами», но это слово редко употребляют, описывая ирландских деревенских жителей. В его доме не было книг, и там где он жил не было устоявшейся литературной традиции. Но это был край фольклора. Неподалеку от того места, где жил О Кань, была записана самая длинная ирландская народная сказка. Для того чтобы рассказать ее полностью, потребовалось семь вечеров. Еще учась в школе, он пытался сочинить героическую сказку, используя народные мотивы. Позже он стал школьным учителем, хотя у него не было среднего образования, и вернулся на свою малую родину, чтобы бороться за образовательные и социальные права – и за свой язык. Он был вовлечен в революционную деятельность, и за это его уволили с работы. Затем он без следствия был осужден на то, чтобы провести почти пять лет в лагере для интернированных в Килдаре, который он позже называл «ирландской Сибирью». Здесь уже можно провести параллели. Но гораздо более важно его преобразование в писателя, преобразование, которое произошло с Достоевским, Горьким, Солженицыным и другими в условиях различных тоталитарных режимов. Началом этого преобразования стало простое событие, произошедшее с ним незадолго до его заключения в тюрьму. К этому времени он опубликовал сборник рассказов под названием *Idir Shúgradh agus Dháiríre* («Между смешным и серьезным»), книгу, написанную прекрасным языком, но которой не хватало стройности композиции и мастерства. Незадолго до своей смерти в 1970 г. он описывает яркое воспоминание о том, как он изменил свое литературное направление:

Lá amháin fuair mé seanchóip d'irisleabhar Fraincise, ar phínn, sílim, i siopa leabhar i sráid Aungier i mBaile Átha Cliath... Однажды в лавке букиниста в Дублине, примерно за пенни мне достался экземпляр старого французского журнала. Это было сродни откровению Святому Павлу по дороге в Дамаск! Там я увидел французский перевод рассказа Максима Горького: рассказ о сборе урожая на Дону. Я подскочил на кровати, в которой читал. Я никогда не читал ничего подобного. Почему мне никто не говорил, что бывают такие рассказы? “Это мог написать я”, – сказал я себе, – “Точно такую же работу делает и мой народ, у них просто другие имена.” А затем мной овладел некий голод, более страшный, чем голод в моем желудке.

Этим голодом было желание сделать то же самое для своих людей, для своей страны. Именно это он и сделал.

Перед тем как мы оставим Горького, надо сказать, что он также стал источником вдохновения для другого ирландского писателя, автора одной из величайших современных ирландских классических автобиографий. Томас О Кривхань, рыбак,

владевший кусочком земли на островах Бласкет у западного побережья Керри, написал простую на первый взгляд книгу *An tOileánach* («Островитянин»). Она стала ирландской классикой из-за ее холодного, несентиментального, неромантического, безжалостного описания жизни в условиях хозяйства, покрывающего лишь необходимые потребности. Его проза тверда как гранит, выточена как статуя, а ум ясен как день. О Кривхань был любимцем заезжих ученых, которые искали самый лучший, чистый, незапятнанный ирландский, и, по общему мнению, О Кривхань прекрасно этой задаче соответствовал. Один ученый предложил ему написать историю своей жизни. Тот посмеялся над этой идеей, говоря, что ему нечего сказать и что вряд ли кто-то заинтересуется жизнью такого обычного человека. Ему дали прочесть первый том автобиографии Горького, которая и высвободила его творческий и описательный потенциал. Пример Горького показал ему, что можно было сделать.

В большинстве рассказов и критических работ Мартин О Кань продолжал так же тепло относиться к русской литературе и он довольно неплохо изучил русский – так, что смог совершить путешествие по некоторым республикам Советского Союза, где до сих пор не бывал ни один ирландец. Видя, как люди улетают из Московского аэропорта в самые разные концы этой необъятной страны, он думал о своих соотечественниках, покидающих столицу и возвращающихся в свою родную западную Ирландию, а когда он посетил Киргизию, он сказал, что снова встретился со своей юностью. Это был мир востока, животворящий колодец на краю света. Здесь был тот источник, где зарождались все народные сказки.

Ирландский режиссер, писатель и музыкант Боб Квинн утверждал, что у ирландского народного пения и народного пения в дальних областях Восточной Европы (под ними он подразумевал места, где Европа граничит с Азией и Африкой) – общее происхождение. Это, как он говорит, не столько вопрос влияния, сколько вопрос выживания где-то на задворках Европы, под угрозой изгнания из европейского общества – в том смысле, в каком мы это общество обычно понимаем. В одной из своих книг и в серии фильмов он стремился продемонстрировать, что у татарского народного пения тот же стиль, что и у ирландского, стиль, ничего не имеющий общего с концертным исполнением в Западной Европе.

Точно так же и Мартин О Кань не пытается заявить, что русская жизнь повлияла на ирландскую литературу или что между ними есть какая-то чёткая связь, которую можно легко проследить. Но он говорил о том, что обычный человеческий образ русского рабочего или человека вообще гораздо ближе к ирландскому, чем то буржуазное представление человека, которое господствовало в большинстве литературных традиций Западной Европы.

Но речь здесь шла даже о большем. Мартин О Кань писал такую прозу, в которой пейзаж был совершенно не важен. Это очень похоже на изображение пейзажа у Достоевского. Джойс как-то похвалялся, что если бы Дублин разрушили, то его можно было бы восстановить по деталям его романов. Кажется, словно романист выбирает между неким застраиванием внешнего мира и тупиками внутреннего. О Кань, как и Достоевский, говорил о внутреннем мире, который, хотя и не всегда, находил своё отражение в разговорах, в пустой болтовне, в споре, в восклицаниях. В этом мире нет освобождения и искупления – есть только слова, слова, слова, создающие иллюзию непрерывности мира.

Действие его величайшего романа *Cré na Cille* («Кладбищенский прах») происходит на кладбище, где никто не шевелится, но все говорят. Отдельные критики видели сходство между этим романом и рассказом Достоевского «Бобок», в котором рассказчик слышит, как внизу в могиле трупы разговаривают между собой. Но О Кань

отрицает, что когда-либо читал его. Но главное здесь – та душевная истина, откровение, которое приходит к нам, когда мы говорим – или молчим, общаемся с помощью этих нигде не зафиксированных условных знаков; и истина эта такова, что могила – это единственное неосквернённое место.

Мартин О Кань признавал, что он обязан русской литературе и своим путешествиям по России. Менее известен тот факт, что в конце 1920-х правительство Ирландии спланировало открытие ирландскоязычного издательства с целью обеспечить литературой новую аудиторию читающих на ирландском. Хотя первоначально все его издания были переводами с английского, росло и количество переводов с других языков, включая русский. Переводился Чехов, Тургенев, Пушкин и Толстой, хотя ни один из огромных романов никогда не был по-настоящему признан. В последние годы Марк О Фионнань перевел на ирландский Даниила Хармса и Александра Введенского, таким образом представив читателям писателей, о существовании которых они бы никогда не узнали. В 1970-80-х также вышла серия русских книг для детей, в основном народных сказок, богато иллюстрированных и переведенных на ирландский. Странно, но русская поэзия практически не переводилась на ирландский, в то время как была проведена обширная работа с поэтическим наследием на испанском, французском, каталанском, румынском, английском, фламандском, датском, немецком, китайском, урду и этим список еще не исчерпан.

2. Патрик О Конаре

Но Мартин О Кань ничего бы не написал, если бы у него самого не было предшественников. Предшественников, которые сами откололись от традиции. Его собственная жизнь была довольно яркой: он был сыном мелкого фермера, потерял работу школьного учителя, был политическим заключенным, безработным, газетным обозревателем и, наконец, профессором ирландского языка в Тринити Колледже в Дублине. Но эта яркая жизнь сравнима с жизнью Патрика О Конаре, возможно, первого модернизатора и вдохновителя жанров рассказа и романа на ирландском.

Его жизнь была смесью трагедии и почти бурлескной комедии. Он достигал высот и измерял глубины. Он родился в Голуэе в 1882 г., в то время, вероятно, единственном городе с большой долей ирландскоговорящего населения. Его отец держал паб, но решил бросить дело и покинуть дом, когда Патрик был еще ребенком. Считается, что он умер вскоре после того, как приехал в Америку, но некоторые предпочитают думать, что он просто исчез. Мать О Конаре умерла всего несколько лет спустя, так что он осиротел. Детство, прошедшее в пабе, где он столкнулся с жизнью в доках, привило ему вкус к тому суровому образу жизни, который стал его частью. Возможно, помогла и репутация Голуэя. Писатель Шон О Фылань однажды высказал мнение, что если человек хочет, чтобы его дочь узнала жизнь, он должен отправить ее в Голуэй на полгода. После смерти или исчезновения его родителей Патрика отправили жить к дяде, который имел магазин в полностью ирландскоговорящей области на западе графства Голуэй. Именно здесь он познакомился с той жизнью, о которой писал Мартин О Кань, но, в отличие от него, О Конаре никогда не принадлежал ей полностью. По сути, он никогда и ничему не принадлежал, а вел беспокойную и нестабильную жизнь.

Трудно было этого ожидать, но ему попытались дать образование; однако в первый же вечер он сбежал из школы – перелез через стену. Потом его снова отослали с той же целью, и он всё-таки выучился, а потом стал государственным служащим. Ирландия была в то время частью Соединённого королевства, а контора, где служил О Конаре,

находилась в Лондоне, так что там он и жил. И именно в то время, когда он жил в столице, он встречался и с ирландскими, и с зарубежными писателями. Именно здесь он начал писать; вокруг него был этот многоликий город, и это помогло ему внести нечто новое в ирландскую литературу, дух города и некую решимость, твёрдость и даже грубость. На его творческий подход повлияли и его жизнь, и его круг чтения. И, как и О Кань, он писал о литературном мастерстве, о литературе, которую действительно стоит создавать, чем он и собирался заняться. В своем знаменитом эссе, написанном в 1908 г., под названием *'Seanlitríocht na nGael agus Nua-litríocht na hEorpa'* (Сравнение старой ирландской литературы и современной европейской литературы, ставящее своей целью выяснить, какая из двух может послужить современным ирландским писателям лучшей моделью для подражания). Но вопрос для него уже был решенным. Старая литература по-своему прекрасна, но требованиям к современной литературе она уже не отвечает. И он рассказывает нам, что же должна делать современная литература:

Scrúdaítear an duine. Scrúdaítear a aigne. Изучать человека. Изучать его мысль. Изучать те великие вопросы, что волнуют ум человека, совершающего тот или иной поступок. Создавать образы людей, как-то связанных друг с другом, и показывать связь между тем, чем они занимаются в жизни и тем, какими людьми они являются. Современные писатели ничего не боятся. Они показывают хорошее и плохое. Порок они видят в людских душах так же ясно, как и добродетель... они дают нам понять, что их собственное сердце столь же удивительно, как все чудеса света. И что каждое сердце бьется по-своему. Что человек сам по себе кладезь всей мудрости и источник всех противоречий.

То, что он стремился донести, сейчас кажется нам очевидным, но для Ирландии тех времен это была революционная идея. Ирландская читающая публика была сыта рассказами, в которых люди были либо хорошими, либо плохими, либо богатыми, либо бедными, либо приятными, либо отталкивающими. То же самое мы встречаем сегодня в популярной художественной литературе. Ни эпос, ни фольклор, ни популярная литература не передают тонкостей. Они воспроизводят типическое. Нам, собственно, интересны слова самого писателя о том, откуда пришли к нему эти идеи. Они пришли к нему из современных литератур молодых стран (как он их называл), и в авангарде этих стран была Россия. Он бы наверняка согласился с Максимом Горьким, который когда-то сказал 'В карете прошлого далеко не уедешь'. Вот как он об этом написал:

Sa Rúis, tír a bhí taobh leis na seanscéalta agus leis na seanamhráin go dtí le céad bliain, d'éirigh dream údar oirearc suas... В России, в стране, литературу которой до последнего столетия питали только фольклорные сюжеты и песни, возникла группа значительных авторов – авторов, которые не уклонялись и не воздерживались ни от каких актуальных вопросов своего времени. Они глубоко копали в поисках правды, и они были настоящими. Они были полны веры в свое предназначение и не хотели довольствоваться той ложью и фантазиями, которыми их пичкали. Когда они вылезли из ямы, в которой искали, свету предстало грязное мерзкое существо в облике человека, и они закричали что есть мочи: «Вот человек! Вот он! Вот правда!» Люди вначале не обратили на них внимания. Они подумали, что это грязное мерзкое существо слишком ужасно и слишком уродливо, чтобы называться человеком. Они думали, что это всего лишь игрушка. Но писатели так не считали; Гоголь и те, кто были до него, не боялись. Они клялись и кричали, что нашли правду, а затем пришел Тургенев и другие писатели, которые доказали, что те были правы – в этом мерзком уродливом существе, которое они открыли, уживались и порок и святость. А затем появились Андреев и Горький, и самый сейчас знаменитый из них всех Лев Толстой.

В другом очерке о правде и лжи в литературе он превозносит Лермонтова и Достоевского, и становится совершенно понятно, что он разделяет некоторые безжалостные взгляды Достоевского на мир. Действие его величайшего романа *Deoraíocht* ('Изгнание') разворачивается в Лондоне, а все его герои как-то страдают, часто и умственно и физически. В своей ранней работе критик-исследователь Джордж Стайнер пылко доказывал, что нельзя действительно глубоко ценить и Толстого и Достоевского. Это невозможно, потому что у них разная философия жизни. Толстой верил, что для человека возможно спасение, если общество станет лучше, или люди станут честнее, или законы справедливее или люди станут более духовными. Достоевский, со своей стороны, считал, что люди неисправимы, испорчены, необратимо порочны и обречены на несчастье и поражение. Из кривого дерева человечества нельзя сделать ничего прямого, как однажды сказал Кант. Патрик О Конаре в это тоже верил и доказывал это своей жизнью и своими работами.

И его жизнь чем-то напоминала то, что описывалось в его книгах. Говорят, что он стал государственным служащим, схитрив: он исправил собственную экзаменационную работу, подписавшись по-английски как экзаменуемый и по-ирландски - как экзаменатор. Он часто болтался в обществе лондонских бродяг и беспризорных, безработных и пьяниц. В Лондоне он жил с какой-то женщиной, но, как выяснилось, никогда не был женат на ней. Подобно своему отцу, он ни с того ни с сего бросил ее и вернулся в Ирландию. Как и многие другие ирландцы, он любил пить, и, возможно, рождение в пабе положило всему этому начало. Один из его друзей сокрушался: «Мне кажется, Патрик живет не по нашим средствам». Поздно вечером, в пабе в Голуэе, когда им уже пора было расходиться, приятель спросил его: «А что, пабы здесь никогда не закрываются?» Он ответил: «Да, они закрываются, но на их дверях никогда не увидишь замка». Он выдумывал истории о самом себе, о том, как он путешествовал по ирландским дорогам на осле, а на самом деле, если он и путешествовал, то в основном на поезде. Во время войны за независимость он был задержан как шпион, а когда независимость была обретена, он вновь стал государственным служащим в другой конторе. Как и тогда, когда он в первый раз оказался в школе, он сбежал на второй день. Друзья полагали, что если новое государство хочет, чтобы он писал, его нужно посадить в тюрьму. К сожалению, во время гражданской войны он выступал на стороне правительства, так что подходящего предлога для заключения его в тюрьму у них не было. И все же он умер бедняком. Он умер на улице Дублина в 1926 г.; все, что было у него в карманах, - один пенни, яблоко и унция табаку.

3. Заключение

Без сомнения можно говорить о сильном косвенном влиянии, потому что русская литература весьма значительно повлияла на Западную Европу. Но я не столько хотел это доказывать, сколько хотел привлечь внимание к нескольким конкретным случаям, в которых можно говорить об особом влиянии, этапы которого можно проследить и точно установить. В современной литературе можно заимствовать все; все, что лежит вокруг, можно использовать, если хватит смелости. Но нельзя заимствовать ни воображение, ни язык, ни степень заинтересованности – все это приходит из жизненного опыта и обстоятельств.

Мартин О Кань, Томас О Кривхань и Патрик О Конаре были наиболее значительными ирландскими прозаиками начала и середины XX в. Без России они не стали бы тем, кем были. А без них ирландская литература была бы чахлой и печальной.

Университетский Колледж, г. Корк